

Дмитрий Аникин

АДМЕТ

трагедия

12+

Дмитрий Владимирович Аникин

Адмет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40315957

SelfPub; 2019

Аннотация

Трагедия, основанная на классическом сюжете из древнегреческой мифологии. История одной смерти...

АДМЕТ

Давние были пою: смерть Адмета и щедрую жертву,
данную нижним богам; ускользя от гибели черной,
женщину бросил погоне – нагая на ложе простерлась,
нежную синь-синеву отражая хладеющей кожей.

Смерть наблюдаю безвредно, безбольно: теперь дело ни-
щей

швах; я, вниманием строгим светлых и легкоживущих
взысканный, жизнь проживаю свободную, долгую, два-
жды;

нет мне зловещих примет – все сбылись над несчастною
жертвой.

Жив отхожу от могилы, хил, бледен, но сердце – звериной,
подлой природы: ему лишь на пользу чувства любые.

Радости или печали равно ретивое работой
честной нагрузят – стучит, только требует новой поживы.

О, если б жизнь не была скорбным долгом пред Умершей
милой!

О, если б к новой опасности, старости, смерти мне выйти
так же, ведя за собою подмену, подругу, – хватайте,
твари проклятые тьмы, прекрасную, чистую душу!

О, если б в смертной не встретиться сени с тобою, Алькеста!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аполлон, Феб, Локсий, Номион, Музагет, Мойрогет, Гиперборейский бог. Его связывают с Адметом воспоминания о непростых временах, которые царь сумел несколько облегчить и подсластить Аполлону. Бог величав, красив, излучает добро и справедливость.

Адмет, царь Фер, небольшого фессалийского города с громкими, но необоснованными претензиями на гегемонию в области, а то и во всей Греции. Адмету лет тридцать не больше, во всей его внешности явно проглядывает андрогинное начало, потому и манеры подчеркнуто, нарочито мужественны.

Ферет, отец Адмета, небольшого роста, плешивый старик с вертлявыми, беспокойными движениями. Говорит быстро, но из-за отсутствия передних зубов не совсем внятно. Одет не то чтобы грязно, но как-то уж очень неряшливо, сикось-накось. На протяжении всего действия не бывает трезв, но свободно и плавно переходит от одной степени подпития к следующей.

Периклемена, мать Адмета, невзрачная старушка, во всем зависящая от своего мужа, которого, несмотря на пьяную расхлябанность и явное отсутствие мужских возможностей, воспринимает безо всякой критики. Между ней и Алькестой нет никакого кровного родства, но некоторое сходство между ними определено наличествует, и оно не скрыто, а скорее подчеркнуто разницей в возрасте.

Алькеста, молодая жена царя. Довольно-таки бесцветная женщина, а потому предана и по-настоящему влюблена в своего господина.

Геракл. На момент действия драмы ему около 35 лет, он находится в расцвете сил и зените славы.

Танатос, крылатый демон смерти, разумное существо нечеловеческой породы, посмертный собиратель людских душ, полномочный посланник ада. Все эти роли ему явно велики, но очень нравятся. Сам он небольшого роста, крылья, наподобие куриных, безжизненно и вяло болтаются за спиной.

Хор, разношерстая и возбужденная толпа, представляющая себя то свитой Адмета, то служанками Алькесты, то свежими мертвецами в Тартаре. Поделен на две равные части по

шести хоревтов в каждой; одна из частей представляет аполлоническое, другая – дионисийское начало.

Вестник.

Место действия: царский дворец в Ферах; местное кладбище; снова царский дворец.

ПРОЛОГ

Место действия – царский дворец.

Адмет

Черным камнем отмечу начавшийся день.

Сколько есть их, иззубренных, черных камней,
мне доставшихся в жизнь, все ссыпаю, под них
сам ложусь – ни вздохнуть, ни подняться.

Как не верить богам, их пророкам, когда
все сбывается явно, невнятный глагол
облекается силой, сдвигает судьбы
неприметные тропы – к обвалу ведут
те, что раньше петляли свободно?

Вестник

Сизый пар поднимался от жертв, и старик,

устрашенный ответом всевышним, отверг
жертву, новой ее заменив, – нож войдет
в неповинное, свежее сердце.

Те же знаки погибели, как ни пытай
безрассудный вещанья Пифийца, избеи
хоть весь род кравий пред алтарями, –
знаки явственны смерти, бесспорно даны:
царь умрет, свое царство оставит.

Горевестнику, мне поручили жрецы
в путь идти ко дворцу, бить, будить царских слуг,
сонных, томных толкать – пусть спешат, пусть ведут
меня к царскому трону, да слышит Адмет
приговор: "День сегодняшней ясный
для тебя день последний, ты смертью умрешь,
как зайдет солнце; свет Аполлона
охраняет тебя, лишь померкнет – ты мертв
перед бездной предстанешь Аида".

ПАРОД

Появляется хор.

Первая торжествующая песнь хора, аполлоническая.

Зол стреловержец,
мстить он горазд,
стрелы летят в цель.
Бей ковача,
смерть горяча,
молний слепит блеск.
Бог гармонии –
вот он каков:
в гневе его лик
страшней Горгоны,
бледней сестры –
волчий бог, зол, дик.

Песни-стоны,
лира игры
не прекращает – звон
ее страшнее,
чем посвист стрел,
звук попадания в цель.
Пой, моя лира,
среди зимы,
мора и смерти пой!

СТРОФА 1

Помни, кифаред,

время великих бед.

Время унижений,
труд подневольный,
срок каторжный,
голод, холод,
а поутру встанешь – надо же,
один только день прошел,
а сколько их до конца!
Со счета сбившийся, начинаешь снова; лица
нет на тебе, и раскаянья тоже нет;
зол, обжигает, пышет солнечный ясный свет.

АНТИСТРОФА 1

Прошло, кифаред,
время великих бед.

Легкоживущие боги,
смертности сбросив груз,
кары смывают грязь,
смерти им нет;
в небо уйдет, смеясь,
под лирный перезвон Аполлон,
светом сияет лик,
на сто верст вокруг раздается гик,

музы вокруг толпой –
вот он, наш предводитель, бог навсегда живой.

СТРОФА 2

Умен царь,
получивший раба,
доброго скотника.
У нестроного господина,
пусть бог пастушит, служит,
перед царем не гнет спину:
будет время – вышедший из ничтожества,
прекратит дела рабства и скотоложества,
в силе и славе воздвигнувшись, не оставит царя Адмета.

АНТИСТРОФА 2

Умен царь:
знает, кто гость его,
кто в ворота заходит
есть полбу да пить вино,
приобщаясь к смертной доле, –
да надолго не суждено.
Песни чудные на дуде пастушеской играющий,
не забудет бог игр своих и бед товарища,
в силе и славе воздвигнувшись, не оставит царя Адмета.

СТРОФА 3

Темный Зевс, владыка крепкий преисподней, в роковой час ручательство Пеана неотменное прими:

отпусти царя за выкуп, он под солнцем пусть живет –
нить другую режет мойра, перевозчик сирых душ
ширь потока измеряет, в трюме груз иной везя.

Корифей

Царь спасенный пусть прославит милосердые вещей
мойр!

АНТИСТРОФА 3

Жребии людские равно тянутся к подземной тьме,
пока живы – все плутают, а умрут – цена одна:
все уймутся, обратятся в сизый, хладный, жидкий пар;
все твои, владетель топей стиковых, одна с другой –
клубы пара, тени теней – души смертных сходствуют.

Корифей

Добровольно пусть отдаст кто жизнь свою за жизнь царя!

Хоревты предстают в личинах трех безобразных старух – мойр.

Клото
Пей, старая,
пей, сестра,
не разбавляя, пей
гроздий сок –
терпкий ток,
грусть да тоску развей!

Нам работа,
тяжелый труд –
прясть, выбирать, рубить;
заведено
веретено,
крутится, тянем нить.

Лахезис
Пой, родная,
чтоб ноги в пляс,
руки забыли шерсть,
платья взмах,
платьем – ах! –
сизая взвита персть.

Нам работа,
тяжелый труд –

прясть, выбирать, рубить;
жребий подкинъ
в синюю синь —
с ним бедовать и жить.

Атропос
Ляг, родная,
угомонись,
ножницы отложи,
чтобы их звон
до-олгий сон
не растрево-о-жил.

Нам работа,
тяжелый труд —
прясть, выбирать, рубить;
ловко снует
медь-лезвиё,
надвое режет нить.

Мойры (*вместе*)
Отпустим его,
живо-о-ого,
выкуп возьмем: душа
эта иль та,
грязна ль, чиста, —

всякая хороша.

ЭПИЗОДИЙ 1

Корифей

Служилый бог, бог Аполлон, увидевший
в работе годовой, трудах назначенных
строй нашей жизни, медленное, жалкое
схождение к Аиду, пожалел царя,
Адмету дал зарок: узнает загодя
он смерти час, день целый будет смертнику –
того найди, кто с обреченным участием
согласен поменяться, взять предсмертную
тоску себе, царю вернуть дыхание
и силу жить.

Адмет

Я, юный, легкомысленный,
возрадовался, жизнь казалась долгою:
где смерть моя? За зрелостью, за старостью,
за свадьбами детей. Дорогу дальнюю,
я мнил, в недобрый час протопчут старые
отец и мать; за ними двинусь, многие
года прожив без них, по ним соскучившись...
А смерть придет, и что? Отпустит дальше жить:

спасут меня, приму благословение
сходящего к Аиду, и присвоится
жизнь новая – ее, богатый опытом,
на зависть проживу.

Корифей
И кто взамен тебя?

Адмет
Не хочешь ли?

Корифей
Нельзя мне, не достоин я
царя сменить.

Адмет
Я разрешаю.

Корифей
Страшно мне.

Адмет
Вот так и все. Хожу по дому – комнаты
пусты, все разбежались, а найдешь кого,
случайно встретишь – очи долу, мается,
боится отвечать, как будто я его

спрошу о жертве. Гнусно, если жалкая,
пустая жизнь дороже вам, чем царская.

Не видят, что грядет: умру – с собой возьму
спокойствие страны. Благополучие
окончится, лишь руки, утружденные
правлением, вдоль бела тела вытяну.

*(Приближается к корифею и чуть ли не хватает его за
грудки.)*

Не гражданин – лукавый раб, предав царя,
живи в стране загубленной. О, стоит жизнь
твоя позора Родины – труслив народ!

Корифей
А ближние, родня твоя?

Адмет
От них лишь жду.

Появляются Ферет и Периклемена.

Корифей
Гляди – идут.

Адмет

Отца я вижу с матерью.

Я знал, что не оставите. О, кто из вас
искупит сына? Сердце надрывает мне
вид обреченных гибели родителей.

Периклемена.

На кого, сынок, оставляешь
малых детей, жену?

Родителей безутешных –

гОрю, свою страну,

Фессалию дорогую, –

ворогу: защитит

некому будет – сирий

край станет слезы лить

горькие поражения:

нет тебя, свет угас!

На кого, сынок, оставляешь

ты безутешных нас?

Ферет

Пьян горем, прям ко гробу

пряну – не вынести

горя мне – мех утробу

опорожнил – трясти:

сух, труха – смерти следом

следую, весь дрожу –
был тебе страх неведом –
спать тебя уложу
чистого, в новом платье –
лапником обложу –
тихую ночь закрываем
сильным приворожу.

Адмет

Что, матушка, что, батюшка, сыновний век
вам краткий не в упрек? Довольно прожили,
о чем жалеть, казалось бы: подонки, скорбь
на дне ковша, а мне свежо и молодо
жить можно.

Ферет

Смерть в горячке боя взвихренной
за родину не страшно, за семью принять:
мгновение одно – готово: нет тебя,
бойца, – или победа, вина, женщины,
покорные насилию, замки дверей,
грабительством отомкнутые.

Надо – я

на рать пойду, стократ превосходящую:
как ни сильны враги, весы качаются
в руках у Зевса – сколько раз, слабейшие,

мы брали верх! Когда б на безнадежный бой
мы не ходили, не было бы Родины...

Но ты иного просишь...

Вот уж действительно без надежды
хотя бы на чудо, на призрак благополучного исхода,
без упоительной дерзости,
тихо, не как герой,
но как приговоренный или самоубийца,
сойти в глубь Аида,
на каждом медленном шагу,
на каждом проклятом шагу
спотыкаясь и падая,
благословляя неловкость и медлительность,
ибо иду против всякого собственного естества,
ибо иду против всякой собственной судьбы.
Отрезвел окончательно от приближающейся смерти,
трезв и обречен к ней иду.
Мысли, плоть, душа – все борется, все упирается,
противится понуканиям.
Нет во мне такого немислимого упорства.
Не сын мне просящий об этом.

*(Ненадолго припадает к бурдюку и продолжает, немного
успокоившись.)*

В час смертный, час положенный, час утренний

боль стиснет сердце, я руками слабыми

грудь растерзаю: сын мой! – на тесовый гроб

пьян кинусь в исступлении – в прах выплачу

невидящие очи – воем взвою: сын! –

и, к телу припадая, обезумевший,

я прокляну богов, и боги вечные

вменять отцу не станут гнев – долг выполню

последний, скорбный – вышлю горевестников

во все концы земли – я поминальные

устрою игры – будет победителям

твое наследство в дар – столы разломаются

от снеди горькой, от сладостей, от темных вин –

богатство расточаю, в храмы жертвую

несметную казну... Ну, а найдешь кого
взамен себя на смерть, я столь возрадуюсь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.